

точки зрѣнія реального разумнаго дѣла, тѣмъ больше ея великое значеніе становится осязательнымъ. Такъ, болѣе и болѣе разъясняется существенный вопросъ въ оцѣнкѣ этого времени— историческая необходимость реформы: Петровское преобразование было правильнымъ, но энергически проведеннымъ результатомъ стремленій, заявленныхъ лучшими умами московскаго царства, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда послѣ заботъ о внѣшнихъ дѣлахъ являлась первая мысль о внутренней организаціи государственной силы и первые интересы къ научному и художественному образованію. Заботы объ усвоеніи европейскихъ знаній, искусствъ, промысловъ, даже изящныхъ искусствъ, возникаютъ явно еще съ XVI вѣка, какъ и заботы о лучшемъ устройствѣ, на европейскій ладъ, военной силы. Счастливымъ случаемъ, какіе исторія даетъ иногда въ критическіе моменты,—Петръ родился гениальнымъ умомъ и человѣкомъ громадной энергіи. Какъ подобаешь истинному самодержцу, онъ отождествился съ глубочайшими потребностями и стремленіями націи, и отдалъ имъ свои необычайныя силы, въ которыхъ какъ будто олицетворилъ національную даровитость, и взялся за трудъ съ такою ревностью, достигъ такихъ результатовъ, что и современники и потомство увидѣли въ его твореніяхъ его собственное, личное созданіе: въ его трудахъ они не узнали той задачи, къ которой задолго до Петра устремлялись усилія лучшихъ умовъ московской старины и усилія самой власти.

Въ глазахъ новѣйшихъ историковъ, дѣятельность Петра терпѣтъ, такимъ образомъ, характеръ переворота и получаетъ значеніе реформы, необходимость которой была вполне приготовлена предшествующей эпохой. Внѣшнимъ образомъ дѣятельность Петра, правда, носила этотъ внѣшній видъ переворота: массѣ бросалось въ глаза это появленіе новыхъ армій, флота, сооруженій, школы, обычаевъ, одежды, печати; залежавшемуся на боку боярству и дворянству не нравилось это требованіе школьнаго ученія и службы, требованіе настойчивое и строгое; московской іерархіи, которая было уже мечтала о бюрократической диктатурѣ, и людемъ стараго вѣка, выросшимъ на внѣшней обрядности и религіозной нетерпимости, не нравилось устраненіе патріаршества, общеніе съ иноземцами и иновѣрцами. Могло быть, что Петръ иной разъ терялъ мѣру, безъ надобности нарушалъ старину и раздражалъ ея приверженцевъ,—но не въ этомъ была сущность дѣла, и сами новѣйшіе противники реформы, при всей своей доктринерской ненависти къ ней, не разъ проговаривались, признавая въ Петрѣ «великаго русскаго человѣка» и въ тѣхъ или